

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

МОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ ВЪ СЛУЖБУ.

ЧАСТЬ 2. КІЕВЪ И МОСКВА.

Egredere....ac nostris succedere penatibus hospes. Aen. VII, 121.

1. Пять лѣтъ я учился въ Кіевѣ. Академія кіевская на Подолѣ въ Братскомъ монастырѣ, двухэтажное, массивное зданіе, съ широкими колонадами, въ верхнемъ этажѣ съ заломъ и церковью конгрегаціи. Попеченіемъ митрополита Самуила (прим. 1), кромѣ рядовыхъ латинскихъ семи классовъ, греческаго и еврейскаго языковъ, она обогатилась новыми общими для среднихъ и высшихъ классовъ предметами:

1. Россійской Пѣтикъ и Риторикъ, Ломоносова, училъ выписанный Троицкой семинаріи богословъ, Савгиревъ, кажется, Дмитрій; женясь, былъ протоіереемъ церкви царя Константина.

2. Французскому языку начально кіевскій гражданинъ Лапкевичъ, съ рѣзною латинскою надписью на воротахъ дому; ходилъ въ богатой черкескѣ, съ высокою тростію, и въ праздники съ дорогою саблею; училъ *gratis*, за что портретъ его поставленъ былъ при входѣ въ академическую конгрегацію; а послѣ него содержатель пансіона и частныхъ уроковъ, французъ Брульонъ, который гордился искусствомъ топографа, и устроилъ магистрату солнечные часы на ротондѣ фонтана.

3. Немецкому языку іеромонахъ изъ Галиціи, потомъ прусской службы офицеръ, — имени ихъ не помню.

4. Географіи и Исторіи твердорѣчивый Българъ Анатолій, первой по Бишингу, второй по Фрейеру.

5. Въмѣсто бывшей прежде Ариѳметики, училъ всей чистой Математикѣ, по курсу Аничкова, съ раздѣленіемъ на два класса, также практической Геодезіи и Фортификаціи, мужъ достопамятный, родомъ изъ-подъ Нѣжина, Иванъ Фальковский, вѣроятно Хвальковский, (по произношенію хв какъ ф), — при мнѣ сталъ въ монашествѣ Ириней. По изученіи въ Кіевской академіи, зашедши охотою своею, онъ учился въ Лембергѣ и Пестѣ, а возвратясь поступилъ учителемъ въ академію; имѣлъ тихій нравъ и пріятный даръ слова. — Это были мои учителя, кромѣ классныхъ, — въ латинской Піитикѣ и Риторикѣ Аѳанасія Корчанова, и въ Философіи Амвросія Келембета. Я много всемъ обязанъ; особенно же Анатолій въ своихъ многовидныхъ описаніяхъ далъ мнѣ прелесть Географіи, Ириней любилъ мою привязанность къ Математикѣ. Послѣ меня онъ прикладную Математику съ Астрономіею довелъ до изданія кіевскихъ календарей и присылалъ ихъ ко мнѣ. Въпослѣдствіи Амвросій, Аѳанасій и Ириней были епархіальными епископами.)

2. Прибавилось къ тому новое лице, учитель по классамъ годомъ ниже моего курса, іеромонахъ изъ Вуколы Викторъ Прокоповичъ-Антонскій, родомъ села Погребковъ изъ-за Нѣжина. Онъ былъ отлично замѣтенъ и уважаемъ; ученія сильнаго, остроуменъ и сладкорѣчивъ, крѣпкаго здоровья и благовиденъ. Онъ и Ириней, въ бытность Императрицы Екатерины въ Кіевъ 1787 года, съ января по май, говорили передъ нею проповѣди. — Викторъ имѣлъ въ Москвѣ двухъ братьевъ, перешедшихъ университетъ, Михайла секретаремъ у генералъ-губернатора Еропкина, и Антона секретаремъ у куратора университета, Мелиссино; тамъ же третьяго брата Ивана студентомъ. Отъ нихъ получалъ онъ издаваемыя новости и завелъ у себя маленькое собраніе въ воскресные дни по утрамъ для чтенія, выборомъ четырехъ подростковъ, куда принять и я на послѣдніе три года. Рано мы сходились къ нему въ братскую обитель, пили чай и поочередно читали, то лучшія статьи періодическихъ изданій листами при Московскихъ Вѣдомостяхъ, то переводы Фенелонова Телемака Мармонтелевыхъ Ивиковъ, и другое, гдѣ онъ вмѣшивалъ свои

замѣчанія. На первый звонъ къ поздней обѣднѣ, онъ велъ насъ съ большими ключами въ академическую библіотеку своего вѣдомства. Тамъ оставались мы до конца обѣдни.)

3. Библіотека, въ огромности своей, накопленной отъ временъ основателей, многими взносами, помѣщалась прежде на монастырской трапезѣ; и отъ трапезы — важнѣйшею частью погорѣла. Остатокъ ея, что спасено, разложенъ былъ по родамъ въ большой церкви монастыря, на широкихъ отъ стѣнъ до столповъ хорахъ. Тамъ мы имѣли свободу рыться въ книгахъ, читать что могли, и что позволено. Русскія книги скоро перебраны. Фоліанты *Patres* были не по мнѣ. Меня занимали въ сборъ древніе классики разныхъ изданій, *Physica mirabilis*, *Philosophus in utramque partem*, сокровище для диспутацій, Эразмова *Encomium Moriae*, похвала глупости, и подобныя. Объ иныхъ сказано, что на нихъ послѣ будетъ время. Другія досадно были непонятны. Любопытство мое особенно возбуждала физико-математическая часть. Я зналъ простую Алгебру, Геометрію синусы и тангенсы, но тамъ, начиная отъ *Memoires de l'Academie* до Мушенброка, въ линіяхъ, фигурахъ и вычисленіяхъ все было только дивно.

4. Библіографія наша по себѣ была весьма тѣсная. — Нужныя книги, словари и готовальни выписывались для насъ академіею по вызову; для чего былъ при ней изъ Москвы комиссіонеръ, который жилъ въ монастырѣ, и принадлежалъ къ обществу учителей. — Въ городскихъ же лавкахъ имѣлъ свою не малую торгашь, нашимъ прозвищемъ Гарбузь, который скупалъ и продавалъ битыя, старыя и старинныя книги. О достоинствѣ послѣднихъ освѣдомлялся отъ учителей, которые и сами у него покупали. — Но праздниками для насъ были пріѣзды италіянцевъ изъ Ломбардіи, всякій годъ весною на мѣсяцъ, съ большою лавкою латинскихъ и французскихъ книгъ, эстамповъ и учебнаго снадобья. — Притомъ какъ рисованье было почти общимъ у всѣхъ, начиная правилами школы и восходя до фигуръ и ландшафтовъ, штрихомъ, тушью и красками; то намъ пріятно было въ той же лавкѣ получать себѣ образцы и матеріалы, а при выборѣ и другихъ новостей наглядѣться.

5. Отецъ мой цѣнилъ уже мою математику. Когда въ лѣтнюю вакацію дома нашли надобнымъ сдѣлать мнѣ новыя сюртукъ и голландцы, мать взяла меня на ближнюю, — версты три, Ильинскую ярмарку, въ мѣстечко Крапивну, съ тѣмъ, чтобъ и сукно мнѣ по выбору купить; а портной уже призванъ былъ изъ Золотоноши. По нашимъ ярмаркамъ именитый былъ нѣжинскій краснорядецъ Мигринъ. Онъ возилъ весь товары, мѣха и матеріи, чай, сахаръ и вина, мѣдъ, желѣзо и бакалію. Сукна взяли мнѣ, сколько Мигринъ утвердилъ, что на меня довольно будетъ. Но дома на другой день, по смочкѣ и размѣру кройца, пана Остапа, оказалось его мало. Тогда отецъ, разсердясь, упрекнулъ меня: какой ты дуракъ! учишься математикъ, а не знаешь, сколько на тебя надобно сукна! Я отвѣчалъ ему изъ Стереометріи, что я знаю только о правильныхъ тѣлахъ, цилиндрахъ, конусахъ. Отецъ улыбнулся, и того же дня аршинъ прикупили. Однако бывая въ Кіевѣ, и у Румянцова въ Ташани, онъ столько наглядѣлся на планы и чертежи, на пріемы и объясненія, что нѣсколько разъ отзывался дома: чего бы хотѣть больше, какъ еслибъ сынъ мой былъ губернскимъ архитекторомъ, или землемѣромъ.

6. Тогда не было еще слышно той высокой истины, что благородному человѣку, для себя, свѣта и службы, не много науки надобно (2). Мы росли среди головъ изученныхъ не только въ Кіевѣ, но поименно въ Кенигсбергѣ, Лейпцигѣ, Лейденѣ, Геттингенѣ, Оксфордѣ и Эдинбургѣ. Такіе были глубоко чтимы; такихъ я засталъ еще въ 1803 году съдыхъ головъ десятковъ и больше, кого мнѣ знать досталось. — И такъ я весь былъ въ монхъ урокахъ, и по обычаю съ весны для оживленія ихъ часто ходилъ съ товарищами на Крещатицкія горы, нависшія по Днѣпру вдоль Царскаго саду. Тамъ горы, кусты и пригорки наполнены были шумомъ учащихся; а подъ ногами бьетъ священный ключъ; свой Геликонъ! (3).

7. Но тогда же о будущемъ званіи зарождались у меня другіе, высшіе помыслы. Еще въ Переяславлѣ нравился мнѣ инженерный капитанъ, въ красномъ мундирѣ съ чернымъ бархатомъ, какъ онъ ѣздилъ на бѣговухъ дрожкахъ; расха-

живалъ по валу, уставленному пушками, уважаемъ былъ комендантомъ, гарнизономъ и всѣмъ городомъ; сѣно на гласисѣ одни деньщики его косили. А въ Кіевѣ квартировали артиллерійскія команды канонеровъ, фузилеровъ, бомбардировъ. Я видѣлъ щегольство и чести офицеровъ, въ красныхъ мундирахъ съ шарфами, иныхъ съ галунами на камзолахъ, въ парадные дни, или, когда у полковника играли вечернюю зорю. Всѣ, казалось, такъ и глядятъ алгеброю, мастера въ фигурахъ! Наконецъ охота моя сдѣлалась очарованіемъ, когда по бытности Екатерины въ Кіевѣ я увидѣлъ въ сборѣ военную знать всѣхъ мундировъ.

(8. Раза два уже я просилъ у матери позволенія и предстательства, чтобъ мнѣ, окончивъ мои науки, поступить въ инженерную службу, такъ всѣми уважаемую. Отецъ оба раза съ негодованіемъ отвѣчалъ: чтобъ былъ мотъ и картежникъ! По несчастію, эта язва тогда свирѣпствовала. Я самъ видалъ въ Кіевѣ тѣхъ же щеголей, выходящихъ изъ трактировъ полумертвыми, въ одной рубахѣ и солдатской шинели. А когда квартирующій въ Золотоношѣ съ ротою пѣхотный капитанъ, бывая у насъ, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ съ красными обшлагами и напыренными во всю грудь манжетами, сдѣлалъ отзывъ о старшей моей сестрѣ, Татіанѣ, отецъ въжливово отказалъ, а на слезы сестры до раздраженія твердилъ ей: онъ голякъ и картежникъ,—каковъ и былъ дѣйствительно.

9. На отвѣтъ же отца обо мнѣ онъ имѣлъ и мою причину. На пятомъ или шестомъ году моемъ въ деревнѣ, о Свѣтломъ праздникѣ, въ ясную погоду, по улицѣ къ полю взрослая молодежь наша спускала змѣя по вѣтру, а другіе близъ нашихъ воротъ, по прочищенной дорожкѣ ступени на три или четыре, катали крашанки по очереди въ поставленный мѣдный грошъ; кто сбилъ, того яйцо и грошъ, а промахи, одинъ за другимъ, беретъ тотъ, чей грошъ. Наглядѣвшись на змѣя, подскокилъ я къ игрѣ. Побѣжалъ и вынесъ свои три крашанки, что даны мнѣ матерью. Отецъ и мать тогда проходили изъ саду. Дядя Ив. Н., замѣтивъ меня, поздравлялъ ихъ, и всѣ смотрѣли изъ за-амбара, что изъ меня

будеть. Крашанки мои проиграны на посмѣхъ другимъ; я сбегалъ въ комнаты, схватилъ изъ материной корзины еще три, и тѣ проигралъ. Въ досадѣ, я бросился опять; но меня остановили. Съ тѣхъ поръ, отецъ мой, видѣвши и другія мои рьяности, часто укорялъ: изъ него будетъ мотъ и картежникъ; что позднѣе бывало мнѣ до слезъ, и я приносилъ матери свои скорби на такое осужденіе.

10. Между тѣмъ изъ академіи каждый годъ одинъ, два, три, кончившіе курсы, выходили въ Московскій университетъ. Они списывались съ товарищами, и носились объ нихъ завидныя молвы. Давнѣйшіе, посѣщая родину, являлись въ Кіевъ, и мы видѣли славу ихъ. Библіотека собою, о чемъ сказала я, подстрекала мое поревнованіе, въ которомъ все, однако, не терялась линія инженера. Я проговорилъ о томъ Виктору. Отецъ, бывая въ Кіевѣ, бывалъ у него. Совѣтами положено, черезъ годъ мнѣ отправиться въ Москву.

11. Отецъ мой въ своей сторонѣ чтился законникомъ и юристомъ. Не рѣдко бывали у него лица и онъ у нихъ для судебныхъ консультацій. Г. Б. по волостнымъ его имѣніямъ въ губерніи, желалъ имѣть на мѣстѣ для своихъ повѣренныхъ надежнаго совѣтника. Ему указали на моего отца, и года два уже звенѣли у насъ колокольчики съ пріѣздами повѣренныхъ; съ ними входили кипы, которыя называются дѣлами. Поступило въ Сенатъ какое-то сложное дѣло, которое требовало личныхъ объясненій. Ради того по сношеніямъ въ 1788 году онъ отправился въ Петербургъ. Два мѣсяца прожилъ у г. Б. въ домѣ, исполнилъ все, что было къ лучшему. На его отъездъ, Б. спросилъ его, что можетъ для него сдѣлать полезнаго въ благодарность? не желаетъ ли онъ чина, какъ ему слѣдуетъ за прежнія его службы? — Чина не нужно мнѣ въ деревнѣ, отвѣчалъ отецъ; а если такъ благоволите, то прощу покровительства дѣтямъ моимъ; я имѣю пять сыновей, старшій оканчиваетъ науки. — Очень хорошо, пришлите, привезите его, онъ будетъ служить при мнѣ, — что было по иностраннымъ дѣламъ. Разказы дома о томъ заслонили моего инженера.

12. Новая надобность такого же рода, быть въ Петербургѣ, зависѣла отъ воли отца моего. И такъ, по назначенному онъ отпустилъ меня въ Московскій университетъ на два года, съ тѣмъ, что по пути на Москву возьметъ меня съ собою. Проводивъ меня до Нежина и за городской выѣздъ, — прощай, — сказалъ онъ мнѣ, благословляя, обнимая со слезами, — можетъ быть, я тебя и не увижу. — Онъ глядѣлъ на мой отъѣздъ, пока я скрылся. Въ послѣднихъ его заповѣдяхъ было: не пить крѣпкихъ напитковъ до 28 лѣтъ, и вѣкъ не играть въ карты. Я исполнилъ то и другое (4).

13. Вступленіе мое въ университетъ такъ произошло, что мнѣ пріятно было бы означить здѣсь эту часть жизни; но эта часть вся классическая, и подробности ея неумѣстны. Изъ всего сказать надобно, какое дѣйствіе занимаетъ въ ней старѣйшій профессоръ, статскій совѣтникъ Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ. Онъ грозенъ и суровъ былъ для меня въ пріемъ, когда я послѣ *cursiculum vitae* въ данной темѣ изъяснилъ предпочтеніе латинскаго языка греческому. Но я скоро на его курсъ угодилъ ему въ разборъ и чтеніи рѣчей Цицерона, въ гораціанскихъ метрахъ, въ тирады изъ Киропедіи Ксенофона и въ критикѣ варіантовъ, такъ что онъ, изъ проходимыхъ авторовъ, на Плаутъ посадилъ меня близъ себя. А нападая, по своему обычаю, на другихъ за неисправности, и упрекая иныхъ получаемымъ жалованьемъ, разъ онъ, переходомъ отъ тѣхъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: почему я не на жаловань? На отвѣтъ же мой, что моя просьба о томъ далеко въ очереди ваканцій, онъ отозвался: *nulla regula sine exceptiōe*, — нѣтъ правила безъ исключенія; и недѣли черезъ двѣ объявили мнѣ изъ конференціи, что я опредѣленъ. Я принесъ благодарность Барсову на дому; онъ занялся мною и далъ позволеніе бывать у него на досугъ.

14. На первомъ моемъ курсѣ я имѣлъ товарищемъ москвича, года три старше меня. Онъ скоро и такъ близко подружился со мною, что просилъ меня къ себѣ. Я посѣтилъ его праздничнымъ утромъ; и ему велѣли отъ семейства, пригласить меня къ обѣду. Это былъ для меня первый опытъ московскаго гостепріимства, какъ начались другія мои знакомства.

Меня просили бывать въ домѣ, и на третьемъ моемъ разѣ, предложили мнѣ искренно, жить вмѣстѣ съ сыномъ. Въ январѣ, оставивъ мою квартиру на университетскомъ дворѣ, и занявъ назначенную мнѣ сосѣднюю съ сыномъ отдѣльную комнату. Когда же я помѣщенъ сталъ на жаловань 100 р., оно не налагало никакой взаимной обязанности, кромѣ пожить годъ или два въ университетъ на призорѣ; но съ позволенія начальства, на просьбу моего хозяина, я прожилъ у нихъ болѣе года, и лѣтомъ проводилъ съ ними мѣсяцъ въ подмосковной.—Далѣе разсудилъ я, предпочесть свое время выгодамъ и пріятности. Кромѣ домашнихъ помѣхъ и скучныхъ переходовъ отъ Арбата, товарищъ мой былъ очень разсыянъ; не всегда, но не рѣдко онъ увлекалъ меня съ собою то въ театръ, то на гулянья, и даже въ открытые тогда игорные дома. Отецъ его былъ нѣсколько безпеченъ, мать на вѣчныя просьбы снабждала сына деньгами; деньги терялись на картахъ.—Тамъ я видѣлъ смѣсь всякихъ лѣтъ и состояній, обороты и порывы фортуны, ссоры и заговоры мастеровъ, и гарпію аферистовъ. Не прельщали меня передвигаемыя кучи золота и ассигнацій въ руки счастливица; но я стоналъ за тѣхъ, которые ихъ отдавали, которые, проигравши все, жалко и язвительно выпрашивали цѣлковыхъ пару или червонецъ, чтобъ еще поставить на карту. Я возненавидѣлъ игру и охладѣлъ къ доброму товарищу. Наконецъ и лучше было мнѣ такъ оставить домъ, въ которомъ я не могъ жить всегда. Я принялъ квартиру съ товарищами на Никитской. Связи мои съ домомъ, и отъ него съ другими, остались неразрывны. (5).

15. Скоро за моимъ пріѣздомъ въ Москву, въ Кіевѣ Викторъ занемогъ глазами. Лечение было не успѣшно. Братья вызвали его къ себѣ въ Москву. Онъ жилъ у Антона Ант. въ домѣ университетскаго пенсіона къ Газетному переулку. Я часто навѣщалъ его, когда ему стало легче, и свѣтъ проникалъ въ темноту. Болѣзнь была продолжительна, съ операціями. Одинъ глазъ очистился, другой накупилъ. Это былъ мой Гердеръ.

16. Отецъ раза три писалъ ко мнѣ съ присылкою денегъ. Потомъ не стало извѣстій; время проходило мѣсяцами.

Я писалъ къ дядѣ по матери, Платону. Не скоро получилъ отъ него увѣдомленіе о состояніи дому, за отсутствіемъ отца въ такую сторону, откуда писать не можетъ. Наконецъ изъ Переяславля почтмейстеръ далъ знать своему родственнику въ Москвѣ, служащему при старомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, Максимовичу, чтобъ онъ извѣстилъ меня о происшедшей болѣзни и смерти отца моего въ Переяславль, гдѣ и похороненъ. Максимовичъ, изъ давнихъ университетскихъ, видѣлъ и зналъ меня; встрѣтись на Никитской, сообщилъ мнѣ, что къ нему писано.—Сирота! Я понесъ мои слезы къ Виктору; потомъ отписалъ къ матери.

17. Какъ старшій сынъ въ семействѣ, которое оставалось на попеченіи дяди Ивана Наз., я чувствовалъ мой долгъ, дать путь самому себѣ и четверемъ братьямъ. (Кончивъ первый курсъ, я предался правамъ и политикѣ, удержалъ только прикладную математику, по любви моей; знаніе побочное, но которое на вѣку часто было мнѣ пригодно.)—Понесся слухъ въ Москвѣ о пріѣздѣ г. Б. Онъ остановился въ Нѣмецкой слободѣ. Не явиться ли къ нему съ письмомъ о себѣ? Викторъ одобрилъ мое намѣреніе и письмо. Подавая его, я прибавилъ: сынъ Колл. Асс. Т., поручаю себя вашему покровительству.—Федора Назаріевича сынъ?—Такъ.—Вамъ, конечно, мѣсто надобно?—Я желалъ бы только окончить мои курсы, если позволите: впрочемъ, какъ будетъ угодно; я съ тѣмъ явился.—Очень хорошо; такъ тогда вы явитесь у меня въ Петербургъ.—Все сказано такъ свѣжо. Я вышелъ съ полными карманами ласки.

18. Викторъ, по выздоровленіи своемъ, представился митрополиту Платону. Тотъ принялъ его внимательно. По изготовленіи церкви въ университетскомъ домѣ, поставилъ его іеромонахомъ въ нее.—Съ того времени Викторъ жилъ въ университетскомъ домѣ. Я сталъ чаще бывать у него вечерами. При всей разности лѣтъ онъ принималъ меня дружески. Тогда же собирались у него по временамъ нѣкоторые профессоры. Мои посѣщенія въ кипящемъ возрастѣ были для меня спасительны.

19. Года черезъ два, опять г. Б. пріѣхалъ въ Москву. Говорили, для того, что онъ строитъ въ ней свой домъ на

Яузь. Тѣмъ же порядкомъ я опять къ нему явился. Не принимали никого. Зала была пуста. Въ кабинетъ только былъ у него Д. М. П. П. Я рѣшился дожидаться выхода. Подана карета. Вышли оба. Я объявилъ о себѣ.—Федоръ Тимковскій, проворчалъ онъ толстыми губами сухо, мрачно, холодно, Тимковскій! Ничего не помню!—О, какъ глубоко разомъ упало мое сердце! — Такъ вы ищите мѣста? — Я могу теперь поступить въ службу, сказалъ я, скрѣпя душу, и явился по вашему приказанію.—И. Б! промолвилъ онъ къ П., проходя далѣе, дайте мѣсто этому молодому человѣку.—Явитесь у меня завтра, сказалъ П., обратясь ко мнѣ. — Тяжело было мнѣ принять такихъ два удара; однимъ я окостенѣлъ, другимъ поражена моя гордость.—Не надѣйтесь на князя! сказалъ ли я это самъ себѣ, или только подумалъ, выходя изъ воротъ, и зарывшись въ свою шубу; видно такъ судить мнѣ Богъ, своимъ лбомъ пробивать стѣну. Викторъ искренно погоревалъ со мною. Была, впрочемъ, молва, что Б. пріѣзжалъ въ не-удовольствіи, когда изъ дѣлъ его негоціація чрезъ г. М. передана К. З.

(20. До того запасаясь на чаемую службу, я твердилъ себѣ народное право Ваттеля, народное положительное Мартенса, европейское публичное Мабли съ трактатами, и тѣшился мечтою, въ какой лучше быть мнѣ миссіи.—Теперь я налегъ болѣе на юридическій объемъ отъ практики до антропологій. Особенно на римское право, *corpus juris civilis* и въ немъ пандекты. — Тогда зародилась у меня мысль составить подобно, изъ нашихъ законовъ, сравнительное право, и дѣйствительно эту мысль я обработалъ послѣ въ опытѣ систематическаго Свода Законовъ, за который въ августъ 1802 года пожалованъ царскою наградою, и рукопись передана въ комиссію Законовъ, чрезъ начальника ея графа Петра Вас. Завадовскаго, у котораго я имѣлъ по тому случаю большія объясненія о нашихъ законахъ. — Онъ предлагалъ мнѣ поступить въ комиссію. Я имѣлъ свои причины отказать (6).

21. Начальникъ Черноморскаго флота, вице-адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, представивъ на Высочайшее утвержденіе новые проекты и штаты своего управленія,

чтобъ имѣть готовыхъ на мѣста людей, по обычаю тѣхъ временъ, просилъ начальство университета, дать ему трехъ студентовъ на должности секретарей съ хорошимъ чиномъ, жалованьемъ и проѣздомъ. Требованіе внесено въ конференцію (7). Я поступилъ въ число назначенныхъ. Но бывшій изъ давнихъ студентовъ секретаремъ у куратора Хераскова, изъявилъ желаніе поступить въ то число. Имъ замѣнили меня, какъ младшаго. Такую перемѣну я принялъ за обиду, и съ огорченіемъ говорилъ объ ней Виктору.—«Не скорбите, И. О., «сказалъ онъ, пройдя по комнатѣ. Во всемъ есть духъ Божій. Не извѣстно, что было бы съ вами. Вамъ готовится, «видно, другая дорога. Если въ намѣреніи встрѣчаются препятствія, не усиливайтесь перемогать ихъ. Тамъ чаще бываетъ, «что человѣкъ найдетъ себѣ гибель».

Сердце мое было такъ готово принять эту истину, что я весь вѣкъ содержу ее, и передаю другимъ. Такъ произошло и тамъ. Мордвиновъ, желая лучшаго, поспѣшилъ вызовомъ. Представленія его долго не утверждали; оно введено въ другое намѣреніе. Вызванные скучали; онъ давалъ имъ вклады своими деньгами. Одинъ, тамъ занемогши, умеръ. Другой, зассорясь, воротился искать другаго мѣста. Начальство Мордвинова передано князю Зубову. Третій туда отправился.

22. Почти вслѣдъ за веселымъ сборомъ и отъѣздомъ Черноморской партіи, профессоръ Петръ Ив. Страховъ объявилъ мнѣ, что кураторъ Херасковъ желаетъ меня видѣть. Я отыскалъ домъ его на Гороховомъ полѣ. Онъ, спросивъ меня, давно ли я въ университетъ, предложилъ занять у него должность секретаря. Я объяснилъ ему, съ круглымъ извиненіемъ, что безъ отца, какъ старшій сынъ, по состоянію дому и семейства, я обязанъ служить въ статской службѣ.—А! произнесъ онъ съ трясущеюся головою; откуда вы родомъ?—Я родился въ Переяславлѣ.—Глаза, у него прояснились.—О! такъ мы земляки; и я тамъ родился, сказалъ онъ съ видомъ больше удивленія, нежели пріятности, протянувши ко мнѣ руки.—Я низко поклонился.—Мать его была Трубецкихъ, что выразилъ онъ въ поэмѣ «Возрожденный

Владиміръ».—Есть тамъ у васъ имѣніе?—Есть въ Переяславскомъ и Золотоношскомъ уѣздахъ.—Наконецъ съ важностію куратора онъ сказалъ мнѣ, трясая головою: я доволенъ, молодой человекъ, что узналъ васъ; желаю вамъ счастливой службы.—Раза два случилось потомъ, что завидѣвъ меня на выходѣ отъ обѣдни, повторялъ онъ: здравствуй, землякъ!

23. Я долженъ сюда внести особенно важную черту моей жизни, которая имѣла въ ней свои отношенія и составила для меня необыкновенную достопамятность. Давно уже прежними годами я увлекся въ истины духовнаго міра. Непримѣтнымъ тому началомъ было второе лѣто мое въ Москвѣ. Я любилъ ходить на Воробьевскія горы, проводить тамъ свободные дни, одинъ или съ товарищемъ, съ деньгами, книжкой и бумагой; иногда выходилъ туда съ вечера. Питательница моя была, въ крайнемъ домикъ къ Москвѣ, Дворцовой слободки Бавкида.—Она величалась мнѣ тѣмъ, «что сынъ ея истопникомъ «при спальнѣ Царицы, что всякій день много ему труда, пребывать двѣнадцать лебяжьихъ пуховиковъ постели, одинъ «на одномъ; какъ взойдетъ матушка на нихъ по лѣстницѣ, «такъ и потонетъ».—Тамъ я то съ горь задумчиво глядѣлъ передъ собою на Москву, какъ бѣлое море, то исходилъ много и далеко по сторонамъ; то бывалъ весь тѣлесный, то весь умственный, и обращенія мои на самого себя приносилъ домой. Не знаю, какъ я въ прогулкахъ моихъ, отъ Георгиевъ, которыя захотѣлось мнѣ прочитать по изданію Руэя, до того надумался, что сталъ цѣдить жизнь насѣкомыхъ, одушевлялъ деревья, растенія, листокъ, и скоро ощутилъ себя на слѣдахъ пифагорейскихъ. Тогда же два раза сряду прочиталъ я, какъ благовѣстіе, не какъ поэму, Юнговы Ночи, переводъ Гамалея. Читалъ, слушалъ и мыслилъ много другаго въ томъ родѣ. Мнѣнія скоплялись, очищались и рождались.

24. Эта сторона жизни моей, когда взыскано было чрезъ профессора Шадена мое знакомство въ домѣ, пришла мнѣ средствомъ пріобрѣсть высокую и пріятную дружбу А. А. Т.—Если Мейснеръ шуткою хотѣлъ сказать правду, что въ такомъ городѣ, гдѣ есть университетъ, ни одна красавица опасаться не можетъ, чтобъ ся прелести не были за-

мѣченъ; то такая исключительность ни сюда, ни къ Москвѣ не относится; и гдѣ бы въ мірѣ прелести могли быть не замѣченъ?—Но на возрастѣ годами двумя моложе меня съ перваго разу я нашелъ у нее въ рукахъ *Oeuvres spirituelles*, par Fenelon. Степень и зависимость этого творенія были у насъ увертюрою, откуда мы пошли. Послѣ, въ этомъ полномъ и пылкомъ сложеніи со всею образованностію для свѣта, которою она вовсе не дорожила, я видѣлъ духъ объемлющій, всегда возмешенный, жаждущій знанія въ древности, поэзіи, философіи, свойствахъ и таинствахъ натуры, который пламенно искалъ и требовалъ то уравненнаго соответствія, то иныхъ путей; лицо историческое.—Подобная связь нѣсколько позже того встрѣтила меня случайно въ К. А. В. К. Ш. лицѣ, какаго надобно было искать только въ садахъ афинскихъ. Сколько упоенія видѣть и взаимно объяснять этотъ небесный даръ, стройное согласіе тѣла и души, ума и сердца въ существѣ прекрасно-цвѣтущемъ. Съ тѣмъ она любила легкую свою и французскую литературу всѣхъ родовъ, и была въ ней весьма разборчива.—Достойнымъ украшеніемъ дней моихъ я поставляю сочетаніе этихъ двухъ идеаловъ; такъ они свѣтлы предъ лицомъ грацій. Всегда весело гляжу я на ихъ письма и памятники дружбы, на мраморную урну одной, и на писменный приборъ другой, какъ нѣкогда Элиза Дринеръ подарила Рейналю, творцу «Исторіи Обѣихъ Индій»; но Рейналь у себя, конечно, не нашелъ того, что мнѣ было приложено.—Мнѣ и то пріятно, что онѣ обѣ современно жили нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ; и въ 1807 году тамъ послѣдній разъ, хоть малыми днями, я видѣлся съ ними. Отъ второй послѣднее письмо было въ 1811 году, дышащее вкусомъ, огнемъ и жизнью.—Пусть этотъ кипарисъ растеть на гробѣ твоёмъ!

25. Другаго рода образователь мой Викторъ въ 1795 году выбылъ изъ университета архимандритомъ Волоколамскаго Іосифова монастыря и членомъ московской Синодальной конторы, жилъ на своемъ подворьѣ, кажется, между Мясницкой и Покровки, съ садомъ, въ которомъ на цвѣтникъ пе-

редъ окнами до него выведено изъ разныхъ грядъ и цвѣтовъ имя: *Платонъ*. Отношенія наши продолжались, пока я оставался въ Москвѣ — А по знакомству моему въ домъ Николая Александровича Соймонова, за Варваркою, на Селянкѣ, въ последнее лѣто выѣхавши прожить у него мѣсяцъ въ деревнѣ (8), не далеко отъ того монастыря, что дало мнѣ случай по пути видѣть еще разъ Новый Іерусалимъ и скитокъ патріарха Никона, — тогда я цѣлыми днями гулялъ у Виктора, который также проводилъ лѣто въ монастырѣ своемъ. — Онъ любилъ мой логизмъ; часто, однако, я бывалъ у него и спорнымъ собесѣдникомъ въ разностяхъ; часто нападалъ онъ на мои доводы, выражая, какъ сатанъ можетъ обаять умъ, превращаясь въ ангела свѣтла. Онъ надблалъ было и шуму въ Москвѣ проповѣдью въ іюль 1796, на текстъ о существованіи въ каждомъ изъ насъ по семи бѣсовъ. Въ немъ я благословляю память моего разумнаго совѣтника. Послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1803 году, архимандритомъ Донскаго монастыря.

26. Университетъ имѣлъ трехъ попечителей съ именемъ кураторовъ. Первымъ былъ основатель его въ вѣкъ Императрицы Елисаветы, знаменитый предстатель музъ, дѣйствительный оберкамергеръ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Онъ въ четыре царствованія, кромѣ долговременной отлучки въ чужіе края, о чемъ скажу послѣ, какъ начальникъ и протекторъ университета, имѣлъ пребываніе въ Петербургѣ. Имя его въ университетѣ съ благоговѣніемъ произносилось. Другіе два были на лицо въ Москвѣ. Старѣйшимъ оставался тайный совѣтникъ, Иванъ Ивановичъ Мелисино, и прибавленъ вышеупомянутый, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Михайло Матвѣевичъ Херасковъ; извѣстенъ какъ поэтъ. — Управление болѣе относилось къ Мелисино. Онъ былъ добръ и любилъ науки. Въ собраніяхъ, раздавая шпаги, дипломы, награды, или когда мы приходили къ нему поздравительнымъ обществомъ, онъ свое привѣтствіе заключалъ всегда латинскою сентенціею, какъ помню одну: *Qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit*; и другую: *vis consilii expert mole fuit sua*. Ног. Домъ его былъ на Петровкѣ за театромъ. Онъ умеръ къ веснѣ или осенью 1796 года.

27. Памятны мнѣ похороны его. Насъ по выбору нарядили двѣнадцать для смѣны дежурными у гроба. На канунъ похоронъ, изъ трехъ заготовленныхъ четвернями каретъ съ лакеемъ, для развозки билетовъ о выносѣ, на мою долю даны 20 билетовъ по сторонѣ Тверской, Арбата и Знаменки. Встрѣтилось приключеніе. Позднимъ вечеромъ, у Страстнаго монастыря, по привычкѣ къ скорой ходьбѣ, чего и дѣлю требовало, взбѣжалъ я по лѣстницѣ. Въ передней пусто, въ залѣ никого кромѣ мальчика.—Гдѣ господа? я спросилъ его. Онъ только указалъ мнѣ на дверь. Я вскочилъ въ гостиную, и надѣлалъ крику и хохоту. Три молодыхъ пригожихъ дамы, замѣтно прѣхавши изъ гостей, въ разныхъ позиціяхъ съ служанками раздѣвались. Мнѣ стало стыдно. Далеко ли бы діанѣ обратить юношу въ Актеона? Отдавши билетъ, я расцелъ извиниться граціозно. Если это моя ошибка, сказалъ я отъ чистаго сердца, то позвольте мнѣ не почитать ее несчастіемъ. Онъ съ улыбкою повинили неосторожность людей. Я принималъ важность своей миссіи, и тихо удалился легкими шагами.

28. На отпѣваніи въ приходской церкви дѣйствовалъ митрополитъ Платонъ. Служеніе и проповѣди его прежде я слушалъ нѣсколько разъ. Но тутъ, какъ никогда больше, показалъ онъ высокое искусство. Вселяя и разтрогивая тонами постепенно печаль, какъ съ неба громовою рѣчью потрясъ онъ всю церковь, на рыданіе о себѣ каждаго, произнеся: земля еси, и въ землю пойдеши! Земля, казалось, разрушается подъ нами.

29. Въ послѣдніе годы курсовъ, я обращалъ свободные дни и часы на особыя занятія дома, вмѣщая въ нихъ долю на переводы книгъ, иногда на журнальныя статьи въ прозѣ, и подъ-часъ охоты стихами; получалъ доходы, не далеко вдаваясь въ нихъ. Скопилъ библіотеку, имѣлъ въ обществѣ почетныя и пріятныя знакомства, не развлекаясь на многіе дома.—На досугахъ любилъ бесѣдовать у избранныхъ профессоровъ, каковы для меня были: начальн. латинской элоквенціи, упомянутый А. А. Барсовъ; позднѣе потомъ, прикладной математики, Михайло Ив. Панкевичъ; Римскихъ Правъ и древностей Оедоръ Франц. Баузе; Общихъ Правъ и Поли-

тики Матѣей Богданъ. Шадень. Первый ввелъ меня въ филологію и критику. Онъ уважалъ формы малороссійскаго языка, завидовалъ употребленію въ немъ «бо» и многихъ лаконизмовъ. Второй былъ у меня упорный философъ пространства. Третій, съ охотою антикварія, обратилъ мое вниманіе въ обширности на *ingenium practicum et applicativum*. У четвертаго рѣшены многіе публичные вопросы и система долговѣчности. У обоихъ послѣднихъ я получилъ навѣкъ латинской и нѣмецкой рѣчи. — Наконецъ я изготовлялся отправиться въ Петербургъ искать мѣста, для чего имѣлъ посредниковъ.

30. Въ ноябрѣ того года со вступленіемъ на престолъ Императора Павла. Произведены въ лицахъ и вещахъ великія перемѣны и новости. Генераль-прокуроромъ, — должность, въ которой заключались тогда, кромѣ военныхъ, всѣ внутреннія министерства, — на мѣсто графа Самойлова поставленъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, и оберъ-прокуроромъ въ Москву, племянникъ его, князь Яковъ Ив. Лобановъ-Ростовскій. Учреждены, военные губернаторы. Директоръ университета Павелъ Ив. Фонъ-Визинъ поступилъ сенаторомъ. Мѣсто его занялъ вызванный изъ жизни въ деревнѣ Петръ Ив. Тургеневъ. — На мѣсто Мелисина кураторомъ университета опредѣленъ тайный совѣтникъ и камергеръ князь Ѳсдоръ Николаевичъ Голицынъ, племянникъ Шувалова по сестрѣ. — Въ декабрѣ новый кураторъ пріѣхалъ въ Москву и занялъ домъ на Покровкѣ. Недѣли за двѣ до праздника Рождества, въ день воскресный, мы большимъ числомъ были ему представлены, по факультетамъ. Въ день конференціи, онъ имѣлъ въ ней первое присутствіе, осматривалъ университетъ, обошелъ по всѣмъ заведеніямъ. А въ первый день праздника мы опять, только меньшимъ числомъ, были у него съ поздравленіемъ. Обходя всѣхъ привѣтливо, нашелъ онъ, что сказать каждому дѣльно.

31. Между тѣмъ, какъ я располагалъ себѣ, когда у кого изъ моихъ знакомыхъ проводить дни и вечера святокъ, на другой день утромъ я получилъ записку отъ содержателя университетской типографіи, Клауди, съ которымъ уже былъ знакомъ, по заказному переводу; просить къ себѣ въ контору

для издѣбности. — Велось тогда, на новѣй годѣ, первый нумеръ издаваемыхъ при университетѣ Московскихъ Вѣдомостей, въ заглавіе начать стихами. Тотъ, кто обѣщаль ему стихи на 1797 годѣ, занемогъ. Время готовить первый нумеръ, а стиховъ нѣтъ; просить у меня. Я отказался не имѣя дѣломъ, короткимъ временемъ, связями на праздникъ, стыдомъ пошлости. Но убѣжденія и добрая цѣна заставили потереть лобъ. Я согласился на честномъ условіи, что мое имя останется неизвѣстнымъ; и весь тотъ день прогулялъ, въ ожиданіи, гдѣ мнѣ встрѣтится моя муза.

32. На новѣй годѣ, какъ я послѣ узналъ, былъ утренній съѣздъ у князя куратора университетскихъ чиновъ съ поздравленіемъ. Поднесенъ первый нумеръ вѣдомостей. Князь подалъ профессору Страхову, извѣстному ораторскимъ органомъ, прочесть стихи, и въ другой разъ прочесть ихъ самъ. — Кто писалъ стихи? — Неизвѣстно. — На полномъ сборѣ у обѣдни, въ университетской церкви, съ ея пѣвчими, Страхъ, стоя по обычаю у лѣвой стѣны арки, оглянулся въ передній предѣлъ, и на концертъ подошедъ ко мнѣ, спросилъ тихо: Вы писали стихи въ газеты? — Нѣтъ, скрѣпя совѣсть, я сказалъ. — Мнѣ кажется, они ваши; князь поручилъ мнѣ узнать. — Я стыжусь солгать передъ вами; но я хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ; мое время было такъ коротко и разсѣянно. — Напротивъ, князь очень доволенъ. — Въ поздравленіяхъ отъ креста Страхъ шепнулъ нѣчто князю, и въ разступившихся рядахъ проводилъ его ко мнѣ. Князь благодарилъ сжавши руки. Еще хотѣлъ я поскромничать; но онъ пригласилъ меня къ обѣду. До обѣда и за столомъ, гдѣ были Страхъ и другихъ профессора два, онъ обласкалъ меня въ разговоръ, и отпуская, назначилъ обѣдать у него по воскресеньямъ. Такъ и было.

33. Новѣй генераль-прокуроръ, князь Куракинъ, отлично уважалъ университетъ. Говорили, что онъ и учился изъ него нѣсколько. Притомъ онъ почитался въ родствѣхъ племянникомъ Шувалова. Въ январѣ онъ отнесся въ университетъ, доставить ему въ канцелярію двоихъ, знающихъ правовѣдѣніе. Конференція избрала меня и другаго товарища. Мы, согла-

сясь, внесли объясненіе о неизвѣстности для насъ перваго чина и жалованья. Къ увѣдомленію отъ 3 февраля о назначеніи нашемъ приобщено и то объясненіе. Университетъ скоро получилъ отвѣтъ о нашемъ опредѣленіи съ замѣчаніемъ, что въ требованіи отъ короннаго вѣдомства на коронную службу, договоры не имѣютъ мѣста. А московскому оберъ-прокурору, князю Лобанову-Ростовскому предписано истребовать насъ, и выдавъ подорожныя, прогоны и путевыхъ по 200 р., отправить къ нему генераль-прокурору немедленно. Конференція объявила намъ опредѣленіе, а профессоръ Шаденъ прибавилъ мнѣ суетливо: за васъ, батюшка, мы получили вотъ такую носу, — приложивъ къ носу растопыренные десять пальцевъ. Съ явкою нашею на другой день, оберъ-прокуроръ все то намъ выдалъ, и на сборы, вмѣсто просимой нами недѣли, давъ сроку два дня, подтвердилъ, что за просрочною онъ вышлетъ насъ черезъ полицію. Въ два дня разстаться съ Москвой! По счастью у новоприбывшаго военного губернатора, Павла Петр. Архарова, котораго старшій братъ командовалъ въ Петербургъ, былъ адъютантомъ знакомый мой М.; тотъ далъ мнѣ способъ прибавить еще два дня, перемѣнивъ мою подорожную.

34. Коронаціи своей Государь назначилъ быть въ день Свѣтлаго Воскресенія, 5 апрѣля, для чего и въѣздъ его изъ Петровскаго дворца въ Москву произведенъ въ Вербную Субботу. Но уже съ послѣднихъ числъ декабря Москва стала наполняться приходившими со всѣхъ сторонъ войсками. Тридцать тысячъ, говорили, съ гвардіею размѣщались въ ней по всѣмъ домамъ. Изъ Петербурга двинулись полки, запасы, клади, дворъ, чины, дипломаты и святѣйшій синодъ. Пошли по Москвѣ спорные толки, кто къ кому первый, здѣшніе и пріѣзжіе, поѣдутъ съ визитомъ.

35. Съ перваго назначенія моего, я три раза еще былъ у князя Голицына. Отъѣздъ мой сдѣлался у него особымъ предметомъ вниманія на многія подробности. Онъ вынесъ мнѣ изъ кабинета и ссудилъ на просмотрѣніе планъ Петербурга. — Я дамъ вамъ, — сказалъ онъ, и далъ послѣ письмо къ матери, княгинѣ Прасковѣ Ивановнѣ Голицыной; — къ дядѣ я не пишу

потому, что ожидаю его сюда; онъ долженъ быть уже въ дорогѣ. Вы, прѣхавши, не останавливайтесь нигдѣ, ступайте прямо къ дому на Невскомъ проспектѣ въ виду гостиннаго двора. Тамъ дадутъ вамъ помѣщеніе, и пробудете тамъ, пока устроитесь.—Первый годъ, сказалъ онъ за столомъ, не пейте Невской воды безъ краснаго вина; не добряйте тамъ весною теплой погодѣ. Совсѣмъ ли вы готовы?—Мнѣ остается только купить кибитку.—Я дамъ вамъ свою, прибавилъ онъ, подумавши, и приказалъ объ ней дворецкому.—Мнѣ доставлена княжеская кибитка, крѣпкая, широкая, роскошная. Княгиня, жена его, и молодой сынъ Александръ, лѣтъ тринадцати, которыхъ, бывая у него, я всегда видѣлъ, глядѣли на меня съ любопытствомъ. Я думаю, что князь столько же утѣшался сдѣланнымъ добромъ, сколько я его чувствовалъ.—Москва оставлена.

Примѣчанія.

къ части второй.

1) къ с. 27 Митрополитъ Самуилъ Миславскій родомъ изъ Глуховскаго уѣзда села Положекъ. Тамъ построена имъ церковь, колокольня и ограда каменные. Село по Кіевской дорогѣ, отъ Глухова 8 верстъ, горными видами по рѣкѣ красивое, извѣстно богатыми копанями фарфоровой глины.

2) къ с. 30 *Ut pluries turpiter: nos nobiles sumus; rationem non curamus. Consultatio de principatu inter provincias Europae, Frid. Achillis. Tubing. 1613.*

3) Къ ст. 30. Въ маѣ 1787, трое мы вышли на Крещатику съ своими уроками. Оба другіе были старше меня. Средній, бродя въ размытыхъ провальяхъ межъ кустовъ, увидѣлъ снизу близъ верху нависшую выпуклость, сухими комами глины выбилъ ее; свалился кувшинъ, полный серебряныхъ монетъ. Въ находкѣ сдѣлали участникомъ и меня. Монеты были древнія разной величины, три или четыре слитка серебра въ видѣ палокъ сургучу, нѣсколько золотыхъ колецъ и перстней. Но первый всѣхъ насъ обманулъ серебрянникъ, у котораго старшій товарищъ имѣлъ квартиру. Главное, что было у находчика, домашній надзиратель его, дознавшись, заранѣе тайно увезъ на вакацію, о чемъ и дѣло отъ отца было. Я свою долю извелъ частью къ сказаннымъ италянкамъ, частью на мячи и другія дѣтства.

4) къ ст. 32. Любопытныя произшествія моего времени въ Кіевѣ: 1) въ 1787 году позднюю осенью было сѣверное сіяніе, котораго яркій огненный свѣтъ съ переливами занималъ отъ сѣвера обѣ стороны почти до зенита. Подобнаго послѣ я не видѣлъ. Толковали къ войнѣ. Зима была жестокая. 2) Съ того же года на другой былъ великій голодъ; и какъ Днѣпръ, отбиваемый устьемъ Десны, всякій годъ весною на Подоль къ Оболонью разомъ обширно заливалъ и вырывалъ берегъ, и мы видѣли тогда плывущими на немъ избы, сараи, обломки; то въ 1788, для отвода его, разрывали у лѣваго берега рукавъ, Черторый, по-денною платою вольноприходящимъ отъ голоду по 3 коп. Теперь слышно, что полагають запереть Черторый, для обмѣлѣваго Днѣпра. 3) Въ 1788 году, въ маѣ и іюнѣ, при обыкновенномъ стеченіи съ разныхъ сторонъ на богомолье, бродилъ по городу рослый чуждакъ лѣтъ 50, говорили, дворовый Нащокина изъ Бѣлоруссіи, одѣтый арлекиномъ, съ высокою пестроокрашенною жердью и на верху ея большимъ колокольчикомъ. Онъ называлъ себя челоѣкомъ божіимъ, и проходя по частямъ города, на площадяхъ и перекресткахъ, гдѣ больше видѣлъ народа, останавливался, звонилъ въ колокольчикъ, рассказывалъ громкимъ протяжнымъ распѣвомъ: о постѣ 12-ти пятиницъ въ году, страданія великомученицы Екатерины, дѣянія Апостоловъ, и другое, на разъ одну статью, а пройдя далѣе, другую. Слышавшіе кругомъ давали ему за то произвольныя подаванія. То же производилъ онъ невозбранно и въ 1789 году. 4) Въ 1788 году весною, по большой улицѣ, близъ Духовской церкви занялъ большой домъ къ переулку, нѣкій страшный астрологъ и провѣщатель. Онъ всякій день являлся важно на высокомъ крыльцѣ дому съ улицы въ чуждыхъ креслахъ, въ парчевомъ стянутомъ платьѣ до колѣнъ, съ перекинутымъ на шею широкимъ зодіакомъ въ золотой островерхой митрѣ. Когда приходили къ нему любопытные, онъ собиралъ плату, глядя по лицу и вопросу, вводилъ въ темную комнату, освѣщаемую семисвѣчникомъ, и за обрядами представлялъ свои мистеріи-фокусы, а больше и чаще на вопросы, поглядывая въ разложенныя листы съ знаками, выказывалъ свое искусство въ фізіогноміи и хиромантіи. Судя по его трудной рѣчи, онъ могъ быть венгеръ. За мои 20 коп. сереб. онъ, осмотрѣвъ меня, оговѣчалъ: ты любишь огонь, берегись воды. Это изреченіе много разъ приходило мнѣ на память. Онъ пробылъ въ Кіевѣ недѣли двѣ или три.

5) къ ст. 34. Одно произшествіе, Арбатскаго моего времени, не рѣдко до сихъ поръ занимаетъ мою совѣсть. Лѣтнимъ вечеромъ возвращаясь домой съ лекцій, и подходя бокомъ улицы къ Арбат-

скому рынку, супротивъ дому Мамонова, я увидѣлъ плотный пакетный свертокъ, быстро схватилъ его и положилъ въ карманъ. Не деньги ли находка, сталъ я думать, помявъ незаметно пакетъ. О, если это деньги! На томъ полились мои мысли. — За рынкомъ на углу къ Поварской человекъ пожилыхъ лѣтъ, въ синемъ сюртукѣ и круглой широкой шляпѣ, смутно то обыскивалъ себя, то глядѣлъ и поступалъ назадъ, то опять шарилъ. Поровнявшись черезъ улицу съ нимъ, я остановился. Сказать или пройти? На сердцѣ повторилось, сказать. — Вы, конечно, потеряли что-нибудь? спросилъ я, подойдя къ нему. — Ахъ! верно вы нашли, отвѣчалъ онъ горестно въ испугѣ. — Нашелъ нѣчто. — Мои деньги? — Сколько? — Ассигнаціями 850 рублей. — Въ чемъ они? — О, такъ вы нашли ихъ! они въ бумагѣ съ моею запиской. — Я вынулъ изъ кармана пакетъ. Деньги точно были въ такомъ видѣ и щетѣ; они отданы. — Обрадованный хозяинъ предложилъ мнѣ развернутымъ пакетомъ взять, сколько я пожелаю. Я отказался. Схвативъ двѣ бѣлыхъ, онъ сунулъ мнѣ въ руки. Я не принялъ. — Скажите же, спросилъ онъ, сквозь слезы, дрожащимъ голосомъ, кому я обязанъ? Это все, что я имѣю. Я называлъ себя только за честь, безыменно, студентомъ университета, съ книгой въ рукѣ; и шагахъ въ десяти мы разошлись своими улицами. — Случай былъ мгновенный и не болѣе двухъ, трехъ минутъ. Я могъ пройти не увидѣвъ пакета. Другой кто передо мной могъ бы поднять его. Хозяинъ могъ отыскаться, когда бы мы разошлись уже. Легко и я потяготился бы публиковать о находкѣ. — Тогда я подвергся бы угрызениямъ на всю жизнь. Но счастье мое, что я вспоминаю о случаѣ и поступкѣ съ удовольствіемъ.

6) къ ст. 36. Та же попытка Сводовъ помогла мнѣ въ послѣдствіи отвѣчать въ Геттингенъ на запросъ о нашемъ Помѣстномъ Правѣ. Изъ тамошней переписки я имѣю три письма отъ Герена и два латинскихъ отъ Гейне.

7) къ ст. 37. Въ лестномъ обычаѣ такихъ требованій, когда назначенные конференціею, глядя по выгодамъ, отказывались, объявляли вызовъ охотниковъ у директора; и по внесенному отъ него списку ихъ конференція давала назначеніе.

8) Къ ст. 40. Это пребываніе мое въ деревнѣ напоминаетъ мнѣ, какъ могло вовсе не быть то, о чемъ далѣе говорить слѣдуетъ. Привожу себя на память, содрогаясь, сколько разъ я тонулъ. — 1. Въ дѣтствѣ моемъ, чего самъ не помню, а говорю сказанное мнѣ, отецъ и мать лѣтомъ ѣздили въ Ахтырскъ на богомолье, взявши меня съ собою. Въ Сорочинцахъ, которые такъ многолѣтно, въ видѣ Карлсбада, прославлялъ врачъ Трофимовскій, мать на полѣ захотѣла

купаться, оставивъ меня межъ кустами у берега съ нянею, а самъ я не ходилъ еще. Глядь она, нѣтъ меня и няни. Я поползъ къ матери, и только вполголовы макушка изъ воды свѣтилась. Мгновеніи стоило, что я не залился.—2. Въ Кіевѣ я уже плавалъ на глубинахъ и нырялъ на великую даль. Въ іюнь 1789 года, какъ берегъ Днѣпра унизанъ былъ плотами, нырнувши на быстринѣ, я ощупалъ спиною, что я подъ плотомъ, ужаснулся, и только напоръ воды межъ плотовъ выхлынулъ меня на свѣтъ, какъ изъ чрева китова. — 3. Въ Москвѣ рѣкъ подъ Воробьевыми горами, на безлюдѣ, вполдень разпалившись ходьбою, — и 4, какъ я любилъ и часто дѣлалъ, такъ тотъ разъ въ деревнѣ, разкалившись въ банѣ жаркимъ паромъ, я выскочилъ изъ нея въ прудъ у саду; въ обоихъ случаяхъ, не охладивъ напередъ голову, я почувствовалъ круженіе, засинѣло и позеленѣло въ глазахъ, вода заливала голову, въ безпамятствѣ, обомлѣвая, послѣдними усиліями едва могъ выкинуть себя на берегъ.— Но купанье, отъ первыхъ восточныхъ водъ, такъ естественно тѣлу, пріятно и цѣлбно, что я тѣшился имъ весь вѣкъ на рѣкахъ отъ Невы до устья Дона, по взморьямъ и подъ каскадами, наслаждаюсь и теперь дома всякое лѣто, столько-же, какъ люблю купаться въ солнечныхъ лучахъ.

ПИСЬМА ПЕТРА I-ГО КЪ БРИГАДИРЪ БАЛКУ.

ГОСПОДИНЪ БРИГАДИРЪ БАЛКЪ

Дубликатъ.

Въ нашемъ указе изъ Москвы отъ 16 дня Февраля настоящаго году съ адыотантомъ Шестемиревымъ къ тебѣ писано между иными дѣлами Фякфдеондещиццлю вьыотхажондерп-ондеикжзгѣгирпгигждеаботхик.новгрпрпгыгикфчѣжзрпкфаюгъ жждем.лвѣгѣѣотхгигжикдекфрпгъ.млотхвгрпнхъгги.люонгидевгг-ионрпотыаюрпжзикдефярпотыаюгиденлсвгргпфярпотыаюгъд-еригионаюрпгикфлю вгчѣкфаюжзикрпѣм.лрпфу.люкфаж.люон-отхм.лѣрпвгщщчѣфякфдеѣаюкфгф ыѣкф.люондеабаюгим.лчѣф-я.люотхгидещим.люогинх гибкгиондеаб.лювгчцрпикдеабаювг.лю-чжжикчѣгионрпабрпѣѣм.лрптсотхгикфденхжзрпабрп ыѣот-хм.лѣрпвгггиондеабаючцрпгикфикрпон кфотхѣдерионрпкф-декфаюущидеикдечцаюрпоникичѣжздегикфбкотхабчѣѣч.люм.лаю .люги.люобаюпкщшлю иквгритсдегвдеабаюотыкфгѣччѣѣм.лаю о никрпщшотх.люовгчфвгчѣжздегѣотхм.люрь.люотхабаюкфотхѣо-ргирпабаюфякфдеотыдекфихвѣѣѣотхцгфрпгигждеаботхик.люв-

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 18.

Сентябрь.

Кн. 2.

М-р БАТМАНОВЪ.

(Окончаніе).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ ней является управитель съ проектомъ на счетъ замужества Бетси; за онымъ слѣдуетъ дерзкій поступокъ Батманова съ этою милой дѣвицею, и, наконецъ, его продолжка съ Капринскимъ, выходящая изъ всякихъ границъ приличія.

Въ домѣ Жермаковыхъ все шло по прежнему: обѣ дамы, каждое утро, одѣвшись довольно изысканно, выходили, около двѣнадцати часовъ, изъ своихъ комнатъ въ гостиную и, въ ожиданіи чьего-нибудь визита, переговаривали о прошлыхъ и грядущихъ балахъ, но больше всего молчали и думали про себя.

Пріѣхалъ управляющій, и, съ перваго же дня, началъ съ Амаліей Петровной, по цѣлымъ часамъ, бесѣдовать въ ея кабинетѣ. — Бетси рѣшительно не интересовалась, о чемъ они говорили. Оставаясь, почти цѣлый день, одна, она пристрастилась къ музыкѣ, и все разыгрывала Шуберта, который такое сильное и такое благодѣтельное впечатлѣніе произвелъ на Батманова.

Въ одно утро, Амалія Петровна имѣла слѣдующій разговоръ съ своимъ управляющимъ: сама она, при этомъ случаѣ,